

The illustration depicts a large, brown-scaled dragon with its wings spread wide, flying through a sky filled with soft, white and light blue clouds. Two characters are riding on the dragon's back: a man with long blonde hair wearing a green patterned tunic and purple pants, and a woman with blonde hair wearing a grey dress. The dragon's head is in the lower right, featuring yellow eyes and a horned snout.

Иван Лагунин

Любовь
виршеплета

16+

Виршеплет из Фиорены

Иван Лагунин

Любовь виршеплета

«Автор»

2018

Лагунин И.

Любовь виршеплета / И. Лагунин — «Автор»,
2018 — (Виршеплет из Фиорены)

ISBN 978-5-532-05013-6

Любовь, любовь... В гробу видал я эту любовь! Не бывало еще, чтобы известного ценителя женских прелестей – Аску из Фиорены, накрывало это треклятое чувство! Но увы... Даже лучшие подвержены этой напасти. И все было бы ничего, если бы из-за этой треклятой «любви» я вновь не попал в смертельно опасный переплет! Вторая часть "Саги о виршеплете".

ISBN 978-5-532-05013-6

© Лагунин И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Выношу горячую благодарность редакторам сего творения: Роману Б., Сергею И., Евгению П. и Анне К.

Глава 1

О Ушедшие!.. Как же мне хреново... Желудок решил разорвать со мной всякие взаимоотношения и зажить своей, независимой, жизнью. Я уже дважды опорожнял содержимое непокорного органа на серые бронепластины Шейлдара, чем заслужил две же порции отменной драконьей брани на трех языках.

Вообще, дракон оказался нормальным парнем. Несмотря на то, что был страхолюдным чудищем сорокаметровой длины. Кожистые крылья на полнеба, бугристая броня, хвост с шипами, рогатая башка с желтыми буркалами глаз – все как на миниатюрах в «Историки Прощина». Но нрава спокойного, можно даже сказать, интеллигентного. Сразу предложил называть себя на «ты», мол, не дворянского, де, сословия. Мог вернуть время от времени что-нибудь этакое на Древнем Наречии или процитировать какого-нибудь замшелого старого пердуна, что всегда в любом приличном обществе считалось признаком воспитанного э-э-э... человека. Впрочем, ценность его, как собеседника, заключалась в первую очередь в том, что был он отменным слушателем. С восхищением внимал историям о моих похождениях, лишь изредка вставляя «А он?», «А ты?», «А она?».

Россыпью мельчайших алмазов поблескивали гроздь звезд, узкий полумесяц серебрил драконью броню, колючий ветер покусывал кожу, а я, несмотря на периодически подкатывающую тошноту, вещал, словно профессор Прилл фо Харр после пары бокалов вина, коими он любил сдабривать свои лекции.

– Знал бы ты, Шейлдар, ах, какой это был ангелочек! Шейка лебединая, кожа бархатистая и такая белая, что кажется, то эльфийский шелк! А волосы, напротив, что воронье крыло – черные, как смоль! И такие губки... эта фифа их постоянно подводила малиновым соком. О Ушедшие, до сих пор помню этот треклятый вкус! Сложит, бывало, их так уточкой, хлопнет пару раз ресницами, будто опахалами, и посмотрит на тебя... как Хардарейна на последков. Ласково и с обещанием. В общем, не мог... Не мог мимо столь чудесного создания пройти такой известный ценитель дамских прелестей, как Аска из Фиорены! И все бы ничего, но неожиданно Проведение выкинуло презабавный фортель. Ибо столь чудесный цветочек вырос в семье драного злобного кактуса! А именно, у этого навозного жука, профессора Семалада фо Хиза, являвшимся замдекана философского факультета нашей славной университории!

И хрен бы с ней! Мало ли красоток курсирует по Белой Цитадели?

Но как-то раз, сидя на веранде таверны, попивали мы с моим другом Василивсом Три Шара янтарный ликер, балдея от чудесного летнего вечерка. И вдруг – плывет Она! А надо сказать, к этому времени мы уже прилично наладились этого самого ликера. И вот Василивс и говорит: «Спорю на что угодно, что сей прелестный цветок еще ни одному мужчине не довелось сорвать!» Вернее, сказал-то он, естественно, по-другому, но не буду же я цитировать дословно этого вульгарного ублюдка?

И я не был бы Аской Фиорентийским, известным ценителем женских прелестей, если бы не забился с ним в ту же минуту на три золотых, что я в том гнездышке буду первым!

– И стал? – вопросительно прогудел дракон, пока я переводил дух и боролся с мутной волной, неожиданно подкатившей к горлу.

– Ха! Практически!

– Это как так?

– А вот так! Слушай дальше! Ибо, как говорил Аргилак, мать его, Ласточкино Крыло, что по недоразумению Проведения преподавал мне в Белой Цитадели стихосложение: «Главное интрига, Аска! Интрига – залог интереса, а интерес – залог успеха!»

– Какое, гм... глубокое речение... – заценил Аргилака дракон.

– Ну да. Этот старый пердун, не Бранемор, конечно, Талантей, но заворачивал иногда весьма изобретательно... О чем это я? М-м-м... Так вот. Я был неумолим! Я был словно коршун, выслеживающий добычу! О Ушедшие, я штурмовал ее бастионы, словно легендарный Хардарейна! Я исписал сопливыми сонетами целый блокнот! А сколько летних вечеров вместо того, чтобы пить вино в компании друзей или валять глупых первокурсниц, я таскался с ней по краю ойкумены? «Ах, какой нынче закат, любовь моя!», «Ах, закат нынче какой...», «Ах, нынче какой закат...» И, о Ушедшие, ни одного похода в шлюшник! Ни одного! Чтобы ни одна завистливая сволочь не настучала на меня «любви моей»!

И свершилось! Пришел день, когда забежав за ней вечером, чтобы отправиться на очередное любование треклятым, опостылевшим мне, закатом, я получил неожиданное предложение посетить ее альков!

Ох, Шейлдар, я до сих пор помню эту завлекающую улыбку. О, этот чудесный миг, когда вот только что «нет», а уже через мгновение «да»! Я схватил ее на руки, словно легендарный Баринор Легкий Шаг вознесся по лестнице в спальню, рычащим тигром сорвал наши одежды! И...

Я сделал театральную паузу, ибо история подошла к своей кульминации.

– Ну, ну и? – дракон вывернул шею, скосив на меня полуметровое желтое буркало, словно дальнейшие действия я собирался показывать, а не рассказывать.

– Ну, что сказать, Шейлдар. Во-первых, «этот чудеснейший цветочек» сорвать мне не удалось.

– Как? Почему?

– Ха! Да потому что его кто-то уже сорвал!

– ?

– Да-да! В ее гнездышке я не был первым! Траханная дашаком... – в возмущении я прибавил несколько совсем уж нелестных хандагадарских ругательств, за которые тут же стало стыдно перед интеллигентным драконом. – А строила-то, а строила... Треклятая фифа – разводила меня целых два месяца!

Я замолк, вновь переводя дух. О Ушедшие, не стоит так близко воспринимать дела давно минувших дней.

– А во-вторых?

– А во-вторых... – я вновь выдержал паузу, закручивая интригу, перед тем, как бросить на стол главный козырь. – А во-вторых, в самый ответственный момент двери алькова распахнулись, и в опочивальню ввалился ее папаша! Дранный кактус профессор Хиз!

– Ох ты ж...

– Во-во! Старый пердун, вместо того, чтобы надираться своей любимой рисовой водкой в компании профессора Аргилака, решил ни с того ни с сего проведать родное дитяtko!

– А потом?

– А потом я дал т-а-а-акого стрекача, что клянусь своими ушами, даже Баринор от последков так не бегал! Еле-еле успел подхватить одежонку, пока ее папаша, красный, словно рак, пытался вспомнить мое имя! Ведь мшистый пень почти два курса преподавал мне философию. И слава Провидению, что я уже сдал ему его драный предмет!

Несколько минут мы провели в молчании. Шейлдар переваривал услышанное, а я внимательно прислушивался к бесам в животе. Треклятые поганцы опять начали попинывать изнутри копытами. О Ушедшие, да за что же мне такое наказание?!

– А как же девушка? – вдруг спросил дракон.

– Какая девушка?

– Ну как это «какая»? «Шейка лебединая, кожа бархатистая...» Почему же ты не женился на такой красавице? «Хенкели стело, ар доминус мари» – как говорили древние!

«Хенкели» – «Счастье»... м-м-м, а «доминус»?.. М-м-м «доминус»... твою мать – не помню!

Я решил не спрашивать у Шейлдара перевод, чтобы не показаться невеждой.

– Ха! Друг дракон, да ты шутишь?! Что б я женился? На ней? И всю жизнь потом лысину ее папаши наблюдать на семейных пьянках? Да чтоб меня! Старый пердун отправил ее куда-то к родственникам на другой конец ойкумены. И это лучшее, что он мог сделать! И вообще. Я не знаю, как там у вас, у драконов, а у нас, у человеков... ну почти человеков – знай, ни одна баба не стоит двух месяцев шатанья у края Бездны и полусотни виршей, что я накатал для этой леди Неприступность! Как это там было...

Твоя улыбка, словно сталь коварного врага,

Меня сражает на лету... чего-то там... исподтишка...

Она еще месяца три присылала мне по письму в неделю, ха-ха! Эх, как же мы гульнули на те три золотых, что отвалил мне Василивс! Пришлось, правда, пригрозить рассказать всему честному народу о некоторых его грешках, так как эта скотина, ни в какую не хотела признавать мою победу в споре! Но в итоге он не смог противиться моим аргументам, отвалил монет, и мы на неделю зависли в шлюшнике мадам Пушты! Чуть было зачет по истории не профукал!

– Гм... – только и сказал дракон. Мне почему-то показалось, что сорокаметровая животи́на со мной несколько не согласна.

Я вновь прислушался к животу. Твою мать!

– О Ушедшие, Шейлдар... кажется, опять начинается...

– Аска, да что б тебя...

Дурнота резко подступила к горлу, в панике я оглянулся на Сервиндейла, но седой маг мирно похрапывал, привалившись спиной к тюку, и плевать он хотел на мои проблемы с желудком. Вот урод!

И я вновь опорожнил взбунтовавшееся нутро.

А ведь поначалу все шло неплохо. Отойдя от первого шока, я позволил Сервиндейлу себя убедить, что дракон – это лучшее средство передвижения в Расколоте Мира. И уже вскоре с трепетом глядел на вытянувшегося между скал ящера, на которого маг буднично навьючивал поклажу, состоящую из наших котомок, страховидного посоха, гитары, а также увесистого тюка, что он выудил откуда-то из-за скалы. Под подбадривающее бубнение дракона маг протянул мне руку, и я сам не понял, как оказался в уютной ложбинке между крыльев, где был привязан к, специально просверленной для такого случая, броне.

Короткий разбег, толчок под пятую точку, едва-едва смягченный подстеленным пледом, и гигантская тварь, расправив кожистые крылья, взмыла в воздух под аккомпанемент моего истерического писка!

О срань великана! Кому рассказать – не поверят. Я – и на горбе дракона! Огромные крылья периодически закрывают полнеба, на каждом взмахе мы ухаем на несколько метров вниз, а потом также резко выравниваемся. Где-то подо мной что-то периодически шумит, шуршит, сопит и приговаривает густым басом, вибрация от которого пробирает от задницы до макушки: «Да не бойсь, виршеплет, наслаждайся видом...»

Пока я, вцепившись в веревки, обозревал удаляющуюся родную ойкумену, маг скупово поведал дракону о последних событиях, потом еще о чем-то поболтал с ним на незнакомом языке и, привалившись к тюку с вещами, внаглую уснул.

Я же, сжавшись в комочек страха, гонял по мозгу одну мысль – как же так получилось, что одного ослоумного виршеплета угораздило оказаться между небом и *скверной* верхом на бронированной страхолюдной твари!

Но постепенно отпустило. Может то заскучавший за неделю сидения в скалах дракон меня разболтал, или все дело в той красотище, что разостлалась на западном горизонте...

А ведь посмотреть было на что! Я, конечно, не раз летал над *скверной* на корабле. Это, признаться, то еще испытание для нервов. Когда под мерно покачивающимся куском дерева разверстывается покрытая сизой дымкой Бездна, через которую, как сквозь порванную кожу проглядывает лазурная подложка. Мрачное сияние *скверны*, пробивающееся сквозь тенистые махры тумана, дрожит и меняет оттенок от светлого, будто утреннее небо, голубого до мрачного густого синего, чужеродного и невозможного в природе. Завораживающая и ужасающая картина.

Но Расколотый Мир с заливка дракона – это еще более чудесное в своей нереальности зрелище! Уже почти завершившее дневной бег солнце маячит как раз между рогов драконьей башки, рядится в кровавые одежды и превращает каждую встречную ойкумену в навершие острого кинжала, пропарывающего бугристую равнину.

Увы, красотами пейзажа я восторгался недолго. На меня обрушилось проклятье, о котором вряд ли помянут в героических эпосах: я как раз с упоением рассказывал дракону о знакомстве с Василивсом, когда все эти «вверх-внизы» меня-таки доконали. Не раз, бывало, сей недуг прихватывал меня и на корабле, но оказалось, что и драконий полет строго противоположен моему бедному желудку.

Я только успел попросить у Шейлдара прощения, услышать недоуменное: «За что?» и опорожнил нутро на броню дракона.

Так и летели следующие три часа. Дракон то внимательно слушал очередную историю о разухабистой гулянке в Белой Цитадели, то материл меня, на чем свет стоит, за расплесканную жижу. Как ни странно, процесс болтания шел мне на пользу, будто бесы в животе тоже прислушивались к похождениям Аски Фиорентийского.

Небо уже покрылось россыпью звезд, когда я, рассказав историю про дочку этого драного кактуса профессора Хиза, наконец сдался и растолкал спавшего, как убитого Сервиндейла, чтобы вытрясти из него хоть какую-нибудь лечебную волшебку.

Длинный маг недоуменно посмотрел на забрызганный левый борт дракона, пробормотал ядовитое сочувствие, почему-то ему же, буркнул заклинание и снова завалился на тюк.

«Твою мать, Аска, какого драного хрена, ты не обратился за помощью раньше?» – бормотал я, засыпая в блаженном умиротворении.

Впрочем, умиротворение оказалось кратковременным. Спать на ходящей ходуном спине дракона – та еще задача. Едва я смыкал глаза, как просыпался от мысли, что каким-то образом, несмотря на ремни, вот-вот упаду в Бездну.

Наконец серый рассвет окончательно пробудил меня от беспокойного сна. Небо было затянуто тучами. На востоке набухшей воспаленной полосой алел горизонт. В сумраке дымчатый полог испарений казался почти черным, а синие мазки проглядывающего сквозь него Слова Богов выглядели еще мрачнее, чем обычно.

Скверна... какое... гм... скверное слово. Проклятье нашего времени. Живое воплощение воли Ушедших. Яд, что оставил от нашего мира жалкие огрызки. И который однажды поглотит и их.

Я поежился, протер режущие от недосыпа глаза, потянулся, оглянулся... И встретился взглядом с Сервиндейлом.

– Э-э-э... Доброе утро.

– Доброе, – буркнул маг. – На, это твой завтрак.

Он вручил мне тряпичный сверток и вперился куда-то вдаль, всем своим видом показывая, что опять раздумывает над глобальными проблемами мироздания. Ну и хрен с ним.

– Здравствуй, Шейлдар.

– Здравствуй, Аска, тебе лучше?

Приятно, что хоть кто-то интересуется моим здоровьем. Впрочем, быть может, дракона скорее волнует, не повторю ли я снова ночные непотребства? Я поглядел на левый борт Шейл-дара, и мне стало стыдно. Затем прислушался к желудку, но, кроме вполне здорового урчания, никаких тлетворных позывов не заметил. Вот что делает магия, примененная в мирных целях!

– Да, вроде, все в порядке...

– Отлично!

– Вот и поболтали... – пробормотал я и принялся подкрепляться выданной магом сне-дью. В свертке оказалась жареная ножка индейки, пара луковиц и кусок немножко зачерстве-лой лепешки.

Что за вульгарная крестьянская жратва? Ни тебе соусов, ни подлив, я уж не говорю об отсутствии винца для улучшения переваривания. Впрочем, это я, конечно, наговариваю. Глав-ное, что измученный бесами желудок с энтузиазмом принял эту незамысловатую еду.

Я уже доедал ножку, когда Сервиндейл неожиданно спросил у дракона:

– Как ты, Шейлдар?

– Сойдет, – после некоторой паузы прогудел тот в ответ.

– В смысле? Вы о чем, господа... – я завертел головой, переводя взгляд с мага на рогатую голову Шейлдара и обратно. И тут меня пробрала дрожь.

Я был так занят индейкой, что сразу даже этого и не заметил.

Дракон летел ощутимо медленнее, чем вчера. Взмахи огромных крыльев хлопали реже, а каждый вдох-выдох сопровождался тревожащим хрипом.

– Твою ж... – я обернулся к Сервиндейлу и зашипел дрожащим шепотом. – Мессир, что с ним такое?

– Ничего такого, о чем тебе следовало бы волноваться...

– Хрена се «ничего такого», да мы же на высоте... да Ушедшие знают, какой высоте! Да мы ка-а-ак грохнемся, костей не соберем... Что за шуточки?..

– Прекрати панику, виршеплет.

– Последствия неприятного инцидента, произошедшего после нашего с Сервиндейлом вылета с Бастиона Тарена, – внезапно вклинился дракон, который, оказывается, прекрасно все слышал. Я с тревогой приметил нотки усталости в его голосе.

– ?

– Едва мы отлетели от Бастиона на полтысячи километров, как на нас напали. Два дра-кона последков и тройка магов, – объяснил длинный мессир.

– Ох ты ж...

– Мы сумели отбиться, но Шейлдар был ранен, и нам пришлось укрыться в скалах на одной пустынной ойкумене.

Было видно, что маг без особой охоты рассказывает об этих событиях. И, кажется, я знаю почему.

– Полтысячи километров в сторону Ледяной Горы? М-м-м... Это довольно далеко от территорий последков. Неужели линия фронта настолько дырявая, что сквозь нее можно неза-метно протащить двух драконов?!

– Ха. При желании сквозь нее можно протащить хоть сотню драконов! – усмехнулся Шейлдар, отчего его спина пошла ходуном. Я рефлекторно вцепился в бугристую броню. – Другое дело, что найти нас с Сервиндейлом среди тысяч ойкумен Пограничья...

– Опять предатель!

– Да. И с этим нам еще предстоит разобраться, – мрачно отрезал маг, и на месте тех, с кем ему «предстоит разобраться» я бы задумался о том, чтобы свалить куда подальше.

– Так, а что с Шейлдаром?

– О, Шейлдар дрался, как легендарный Гохар, – ответил Сервиндейл с неожиданной теплотой в голосе, – но был тяжело ранен, и потребовалось почти четыре месяца, чтобы он окреп настолько, что мы смогли продолжить путь.

– Сервиндейл, ты заставляешь меня краснеть, – опять хохотнул дракон, а я попытался представить, как может выглядеть этот процесс.

И непроизвольно оглядел Шейлдара. Я, конечно, не специалист в драконоведении, но внешне он был вполне цел. Серая бугристая броня живым камнем поблескивала на утреннем солнце, огромные кожистые крылья несли нас вперед, а двадцатиметровый хвост длинной колбасой выравнивал полет.

Видя мое недоумение, Сервиндейл уточнил:

– Физически Шейлдар вполне здоров, но повреждения тонких структур продолжают вытягивать из него силы. Несколько специфических магических проклятий с непрогнозируемым эффектом при наложении, видишь ли...

Я утвердительно кивнул, сделав вид, что понял эту магическую хренотень.

– Так может отдохнуть? Присесть на какую-нибудь пустынную ойкумену на несколько часов? Или мы спешим?

– Не волнуйся, виршеплет, к вечеру мы будем на одной чудесной ойкумене. Тебе понравится.

– Что за ойкумена?

– Три Озера.

– Мать моя эльфа! Это те самые Три Озера? – я аж подпрыгнул на месте от восторга, но Сервиндейл не был бы Сервиндейлом если б не поспешил обломать мне всю малину!

– Не радуйся так, мы там будем по делу.

– Мессир Борисен из Братства Третьей Энергии слывет лучшим драконьим лекарем во всех Внутренних ойкуменах, – пояснил Шейлдар. – Мы уже были у него на прошлой неделе, но даже он не смог сходу подобрать противоядие против некоторой гадости, что я подцепил в бою. Надеюсь, что ему хватило времени, чтобы приготовить мне лекарство.

Честно говоря, разглагольствования дракона я пропустил мимо ушей, больше всего меня волновало другое:

– Мессир Сервиндейл, но это же Три Озера! Нам просто обязательно нужно заглянуть на пляж!

– Нам будет не до этого. И не доставай меня больше, виршеплет! Мне нужно подумать в спокойствии.

Трахнутый дашак! Да если б я столько думал, я бы уже дыру в голове продумал! «Нам будет не до этого» – твою же мать!

Вот так всегда. Ойкумена Три Озера. Кто не знает ойкумену Три Озера? Да все ее знают! А все потому, что на ней находятся эти самые три озера – огромных окруженных песчаными пляжами водоема, равным которым в наших краях не найти! Говорят, что на континенте есть настоящие легендарные «моря», но континент далеко, а людские языки еще и не такого натреплют. А ойкумена Три Озера – одна из ближайших к нам Внутренних ойкумен. И это место, которое действительно стоит посетить!

Мой друг Василивс, в отличие от некоего нищего бастарда, был и есть сын весьма состоятельных родителей, которые к тому же души не чают в родной кровинушке. И недалече, как в прошлом году, во время летних каникул, пока я прозябал в родной заднице мира, Василивс, прихватив кошелек изрядной толщины, исследовал санатории и курорты Трех Озер!

О Ушедшие, да я чуть не захлебнулся слюной, когда он рассказывал про это расчудесное место! Во-первых, на оной ойкумене весьма жарко. Хотя, конечно, и на Ледяной Горе погодка тоже не обижает, да и во всем Восточном Схараме довольно тепло. Нынче, лютует ли на ойкумене стужа или палит жаркое солнце, зависит не от того насколько южнее или севернее она

располагается, а от треклятой магии, чьи свихнувшиеся потоки творят с погодой бесы знают что!

Во-вторых, Три Озера – самый настоящий курорт! Множество специализирующихся на удовлетворении любых желаний за умеренные и не очень деньги заведений! Шлюшники, таверны, трактиры, игорные клубы – все, что только может пожелать душа!

В-третьих – нравы! Девицы в коротеньких юбочках! Не легкодоступные дамы из шлюшников, а обычные девушки на улицах и в коротких юбочках! Где на такое еще можно полюбоваться?!

Ну и, в-четвертых, и это самое важное – на этой благословенной ойкумене находятся единственные на всю округу приличные пляжи! А я, бараньи кишки мне в глотку, я просто грежу наяву белым песочком! О, сколько вечеров я провел, пялясь в поблекшие от времени гравюры в «Историке Процина», изображающие морской берег! Моря, конечно, есть только на континенте, ойкумены слишком малы для того, чтобы их иметь, но я буду доволен и берегами этих легендарных озер! Тем более, как заверил меня Василивс, белого песочка там предостаточно!

Следующие несколько часов я потратил на сочинение причины, по которой нам ну вот просто необходимо посетить пляж! Но в голову, почему-то, шли в основном ругательства.

День плавно перевалил за середину, и тучи начали редеть. Небольшие прорехи в сплошном сером покрове быстро сменились дырами с рваными краями, и вскоре лишь жалкие перистые клочки напоминали о былом облачном всевластии. Солнце, освободившись от оков, неожиданно запалило жарким, яростным светом.

Я снял котту, распахнул камизу, а вскоре даже пожалел о подаренном дядьке берете. Того и гляди свалюсь с солнечным ударом!

Перекусив еще одной ножкой индейки, выданной мне запасливым магом, я все-таки решил поныть на счет пляжей, но быстро бросил это гиблое дело, заметив, что тот просто заткнул себе уши заклинанием. Обидевшись, я прилег на драконью броню и задремал.

Но вскоре проснулся. Дракон, обладающий зрением много острее человеческого, объявил нам, что цель уже показалась на горизонте. Прошло, наверное, с полчаса, прежде чем ее разглядел и я. И мысленно присвистнул. Вот это скорость! Шейлдару потребовалось менее суток на то, чтобы пересечь пустынные области, раскинувшиеся меж Восточным Схарамом и Внутренними ойкуменами! На корабле – это чуть ли не неделя лету!

Едва показавшись, ойкумена начала быстро увеличиваться в размерах. Вроде, только она была темным пятнышком на горизонте, а вот уже выросла до огромного цветастого уходящего вдаль ковра. Зеленые пятна лесов, ленточки речушек с мазками белых парусов, вдалеке – несколько искрящихся зеркал – легендарных озер, что дали название этому чудесному местечку и... городок-порт, притулившийся на краю ойкумены. Подробностей я рассмотреть не успел, потому что дракон стал ощутимо забирать левее вдоль «берега».

– Ядрено полено, мы что даже в город не полетим?!

– Не стоит зазря пугать местных жителей, – отозвался Шейлдар. – Здесь неподалеку есть одна чудесная укромная полянка, переночуем, а уже завтра пойдем в город.

– П-полянка? Я не ослышался?

– Нет, не ослышался, сейчас нам выдадут разрешение, и мы сядем...

– Разрешение?..

– Конечно. Три Озера, это не Ледяная Гора, так просто не полетаешь. Здесь еще помнят нашествие орков сорокалетней давности. Стоит следящим системам ойкумены засечь незнакомого дракона, как вскоре мы увидим настоящих хозяев этих небес.

– А как же мы... – я обернулся к магу и сразу получил ответ на свой невысказанный вопрос. Сервиндейл сидел в окружении голубых сполохов и что-то бубнил с остекленевшим взглядом. Не нужно было быть специалистом в магии, чтобы понять, чем он занимался.

Вдруг дракон, припав на крыло, заложил вираж. От страха я рефлекторно вцепился в веревки, коими был пришвартован к зверюге.

– О Ушедшие! Шейлдар, если ты не хочешь, чтобы я опять попачкал твою чудесную броню, не делай так больше-е-е...

Мать моя эльфа! Если я думал, что страшно, это когда летишь на драконе, то я сильно ошибался! Страшно – это когда долбаная живая махина берет прицел на посадку! Кожистые крылья описывают умопомрачительные восьмерки, спина ходит ходуном от участвовавших взмахов, а на нас галопом несется земля!

– А-а-а-а! О Ушедшие! Твою же...

Хлопок воздуха, удар по заднице, а сердце так и норовит выпрыгнуть из груди.

Непослушными руками я развязал узлы и стек на травку, пытаюсь успокоить дрожащие поджилки.

Дракон коротко рыкнул, явно забавляясь зрелищем, подождал, когда с него упругим прыжком сверзится Сервиндейл с нашими вещами, и вдруг, сделав короткий разбег, взмыл в воздух.

– Куда это он?

– Пожрать, – коротко ответил маг и тут же, не слушая мои протестующие вопли, нагрузил работой по обустройству лагеря.

О кишки великана, только ночевки в лесу мне еще не хватало! Мало что ли одной ночи, проведенной на драконьей броне? Она ведь, между прочим, ни хрена не мягкая! А теперь еще и на земле спать? Сервиндейл, треклятый дашак! «Будешь Владетелем, у тебя будет целый замок!.. Бла-бла-бла... Шанс один на миллион! Бла-бла-бла.» Бархак! Так с какого хрена я в долбаном лесу, а не на шелковых простынях в какой-нибудь первоклассной гостинице? Которых, кстати, тут немало!

Перебирая в уме лучшие образцы хандагадарского мата, я расчистил среди буйной травы место для ночлега и натаскал воды из ближайшего ручья. Почему я вообще взялся за столь неподобающее статусу и душевной организации занятие? А кто б не взялся, когда от такого хрена, как Сервиндейл, тебе прилетает оплеуха и обещание превратить в жабу?

Интересно, так реально, можно?

К темноте я жутко устал. Дохрумкал остатки индейки и, едва принял горизонтальное положение, мгновенно уснул. И даже вернувшийся Шейлдар, сокративший полянку вдвое, удостоился лишь одного сонного взгляда.

А снился мне белый песочек.

Меня разбудил странный звук. Он то нарастал, то убывал, подчиняясь сложному рваному ритму. Далекие уханья и частые «бумы» сменялись шепчущим треском и тихим «тра-та-та» на границе слышимости, а затем вновь обрушивались грохочущим водопадом.

Я открыл глаза.

Тьма.

Хотя... Да нет же! Не тьма, не беспросветный мрак, а мутные предрассветные сумерки, когда солнце еще даже не показалось на горизонте, но звезды уже погасли, и мир полнит вязкая серая мгла.

Вспышка. Длинная вертикальная полоса, подобно молнии, только снизу вверх, протянулась на полнеба и уперлась в тяжелые мраморные облака. Одного мгновенья хватило, чтобы осветить огромную уходящую вдаль равнину. Ее неровная поверхность бугрилась косматым ковром, на фоне которого висели грозди каменных глыб – маленьких ойкумен.

Я понял, что стою на подобном же куске скалы, и рядом есть кто-то еще.

Перед глазами еще плавали мерцающие пятна, когда в том же месте возникла новая вспышка. И тут же пришел звук.

Гром... нет, не гром, а ужасающий, перебирающий душу и рвущий перепонки, вой самой ткани мира сбил меня с ног. Я повалился на каменистую землю, а рядом со мной распластались другие бесформенные фигуры.

На фоне темного неба набух исполинский шрам. Огромная колонна света в чудовищном великолепии билась и дрожала, стреляя голубыми протуберанцами. А под ней, у ее подножья...

А под ней, о Ушедшие, удивительное зрелище! *Скверна!* Ярко синим пылал целый океан *скверны!* Не прикрытой, как всегда, стыдливой накидкой сизых испарений, а бурлящая масса, по которой кругами, будто от брошенного камня, расходились мерцающие волны.

Кто-то помог мне встать. Оказалось, мы находимся на невысокой горе. Внизу, у края ойкумены, в дрожащих отблесках, что рождала исполинская колонна света, виднелись маленькие фигурки. Их много. Темные беснующиеся черточки, отбрасывая колеблющиеся тени, заполняют почти половину скалистого плато. Они водят странные хороводы, выписывают витиеватые кренделя, бьют в едва различимые барабаны, качаясь в такт нарастающему ритму.

Кто-то положил руку мне на плечо, привлекая внимание. Я оторвался от созерцания яростного танца и вновь устремил взгляд на попирающую небо колонну, в центре которой рождалось Нечто. В колонну без перерыва били молнии, каждая из которых, наверно, была способна стереть Базель с лица земли. Ветвистыми змеями они зарождались где-то небесах и с разбегу вонзались в колышущееся ядро.

Я смотрел и не мог отвести глаз... Чужая воля приковала взгляд к этому грандиозному зрелищу. Чужие глаза, чужое тело, чужие мысли и чувства!.. А-а-а-а! Треклятые срани! Я вдруг понял, что я... это не я! Бархак, да я здесь просто сторонний наблюдатель!

Паника наполнила разум, я рванулся, не зная куда и не зная зачем... И будто ребра клетки вонзились мне в душу. Испуганным комочком я заметался по неведомому пленителю. Попытался пошевелить рукой, но это была не моя рука, попытался отойти от края обрыва, но ноги не подчинялись мне, я вновь и вновь пытался отвести взгляд...

Твою же мать!

Вместе со своим пленителем я застыл от леденящего восторга.

Колонна бушующего света высотой, наверно, в несколько километров выростала прямо из кипящей *скверны*, а верхним касалась тяжелых мрачных облаков. А в ее центре медленно ворочался, вбирая в себя ветвистую паутину молний, огромный шар пламени размером с маленькую ойкумену.

Вдруг «бумкнуло», далекий раскат грома почти физически ударил по телу моего пленителя. И шар вскипел, породив сгусток тьмы.

О Ушедшие! Да это же врата! О срань Ушедших! Исполинская рана на ткани мира, щель в мирозданье, это рвется сама материя!

И откуда, бесы меня раздери, я это знаю?

Сгусток тьмы вырос, расширился, стал похож э-э-э... На ум пришло совсем уж неуместное сравнение. А оттуда, меж тем, брызнула россыпь маленьких, едва заметных теней, а вслед...

Блеснула вспышка, мой пленитель, хозяин или носитель... прикрыл рукой глаза.

Раздался ужасный грохот. Нашу ойкумену затрясло, мечущиеся внизу человечки-букашки, сбившись в кучки, пытались удержаться на ногах. Я ощутил чью-то стальную хватку на локте.

Тот, чьими глазами я смотрел на Врата, застыл в благоговейном оцепенении, и я застыл вместе с ним. Мне, Аске из Фиорены – виршеплету, весельчаку и балагуру, не хотелось поминать бесов и материть богов.

Врата раскрывались. Световой столп разделился надвое, разойдясь словно края пореза на ткани. *Скверна* могучими волнами плескалась у его подножья, а в прорехе виднелась тьма.

Что-то огромное лезло оттуда. Что-то колоссальное едва-едва протискивалось сквозь дыру в мироздании. От его размеров трещал этот грандиозный портал, и тьма была его покрывалом.

Но... но почему сердце полнит не ужас? Почему не когти леденящего страха сжимают мне грудь, а дрожь гордого восторга? Почему из глотки рвется радостный вопль?

Я вижу, как это Нечто, размером с небольшую ойкумену, обдирая края, проникает в наш мир. Паутина багровых молний покрывает его поверхность, а облако из маленьких крылатых теней вьется вокруг.

Спорю на свои уши, что крылья у них на полнеба, а хвосты похожи на колбасу.

На этот раз меня разбудил запах мяса. Сочное шкворчание костра накладывалось на умопомрачительный аромат жареного бекона с какой-то едкой, но приятной приправой. Запах щекотал ноздри, обещая простую и незамысловатую вкуснятину!

В голове еще носились обрывки странного сна. Я, было, попытался ухватить их за хвост, вспомнить ночные видения, но они рассеялись словно дым, оставив ощущение потери чего-то важного...

Пару минут я тщетно напрягал мозг, но быстро бросил это гиблое дело. Моя голова никогда не любила задумываться о важных вещах.

Я потянулся, пощелкал пальцы, почесал все, что чесалось после сна на жесткой земле, и в удивлении уставился на худосочного белобрысого паренька, что на пару с магом споро уплетал шашлык.

Они сидели метрах в пятнадцати от меня, около костра, над которым на хитро сцепленных палочках висело еще четыре кинжала с насаженным мясом. Оба щеголяли в кожаных безрукавках незнакомого кроя, с выпуклыми окантованными железными уголками карманами. Я невольно позавидовал рельефным бицепсам длинного мага. Я почему-то думал, что он, как и я – долговязый дохляк, но под серым сюрко, в которое он постоянно рядился, оказалось поджарое тело воина, а не хлипкие телеса старца.

– С добрым утром, Аска, – густым басом сказал мне юнец, как старому знакомому, когда я хмуро протопал мимо них к недалекому ручью. Маг же ограничился кивком, не отрываясь от рассказа:

– ...искусный мастер своего дела. Сам понимаешь, разница школ играет очень большую роль в составлении каркаса заклинания. Нет ничего удивительного, что с первого раза он не подобрал верный состав компонентов исцеляющего заклятья... Он перебрал как минимум четыре такта шинкарского спектра, осталось еще столько же, и это еще без промежуточных фаз... – кинжал с куском мяса в руке Сервиндейла так и порхал, выводя схему загадочного «шинкарского спектра».

Ледяная вода из протоки прогнала остатки сна. Отфыркиваясь, я плюхнулся на травку рядом с магом, снял с костра свой басселард и впился зубами в сочное мясо.

– ...мне все-таки не по себе, что резиденты последствий разгуливают по нашим землям, как у себя дома... – басил меж тем юнец, примериваясь к очередной порции.

Поглощая шашлык вприкуску с жареным луком, я рассмотрел подростка поближе. Правильный овал лица, высокий лоб, острый подбородок. Раскосые, чуть прищуренные, зеленые глаза, растрепанные светлые, будто выжженные, волосы. Держу пари на что угодно, что его уши заострены, также как и мои!

– Вот-вот, о том же я и говорил на совете Братств Пограничья в прошлом году! А все потому, что эти самые Советы, что хандагадарские ханы – каждый играет на своем инструменте и свою мелодию, – Сервиндейл в раздражении сплюнул попавшуюся кость.

Они еще поболтали про какую-то политоту, не обращая на меня внимания. А я, расправившись с еще одним кинжалом шашлыка, задал, наконец, вертевшийся на языке вопрос:

– Кхе-кхе... Парень, а ты откуда взялся?

– Шейлдар, похоже, нашего будущего Владетеля ожидает еще немало интересных открытий, – хитро улыбнулся маг, явно получая удовольствия от обрушившегося на меня ошеломления.

– Шейлдар??!

Паренек тоже улыбнулся во весь рот. А я только сейчас обратил внимание, что поляна подозрительно просторна. Просторна потому... что на ней не нет сорокаметровой туши дракона!

– Да вы издеваетесь! Что за дурацкие шутки!?

Я в оторопении переводил взгляд с одной лыбящейся рожи на другую.

– Нет, ну что за фокусы!? Бархак! У меня диплом Университории Белая Цитадель! Я вам не трахнутый дашаком варвар, которому можно впарить всякую дичь!

– Да, Сервиндейл, ты прав насчет нынешних учебных заведений, – сказал паренек, – ругается, как хандагадарские орки.

– Да что за хрень вы мне тут рассказываете!?! Так не бывает!

– Ты и в самом деле много ругаешься, Аска. Следи за языком, – покачал головой длинный маг и поднялся. – Приведите себя в порядок, скоро выходим.

И потопал к нашим рюкзакам.

А я так и остался сидеть с открытым ртом напротив широко улыбающегося парня. Помойму, тут из кого-то делают дурака, и я даже знаю, из кого.

– Мать моя эльфа, Шейлдар, если ты действительно Шейлдар... то докажи, что это так!

– Мне что же, ради тебя тут перекидываться?

– Н-у-у...

– Достаточно того, что вчера ты заблевал мне всю спину. Не зли меня, Аска! Я до сих пор голоден, а когда я голоден, я чрезвычайно неразборчив в еде. Саритари хонус лим, знаешь ли. «Мы живем, чтобы есть»...

– Сентинна – «Восемь размышлений»... – автоматически закончил я. Долбаная ящерица, в Бездну эти шуточки! В Бездну Сентинну!

По крайней мере, я надеюсь, что это были шуточки...

Еще раз смерив белобрысого паренька недоверчивым взглядом, я вдруг понял, что эти два хрена не врут. Ядрить их в печень – все это сраная магия! Трижды траханая сраная магия, от которой обычным людям жизни нет!!!

Я вновь впился зубами в жареное мясо. Клянусь своими ушами, мне надо жрать, чтобы не лишиться разума от всей этой магической мутотени!

Но уже через минуту не выдержал:

– Твою мать, но как так-то?! Вот ты – здоровенная зверюга, а вот ты – соломенноголовый недоросль? Разве так бывает?

– Ха. В нашем мире и не такое бывает! – дракон весело хмыкнул. – Но на самом деле, драконы-люди есть одна из семнадцати загадок современности.

– ?

– Эти загадки необъяснимы с точки зрения современной магической науки. Они просто есть. Вообще, драконы в нашем мире живут уже очень давно. Но мои предки из другого мира. Когда-то, вскоре после Разлома...

– Стоп-стоп-стоп! Избавь меня от всей этой исторической хрени! Ты скажи лучше, почему ты – пацан?

Дракон громко расхохотался:

– Ха-ха. Может, потому что я не девчонка?

– О мудни великана, я не о том! Почему ты выглядишь, как пустоголовый юнец!?

– Опустив сентенцию, про «пустоголового» – ответ достаточно очевиден. Потому что я – молодой дракон.

Я недоверчиво посмотрел на паренька.

– Когда ты в броне, с клыками и когтями – по тебе не скажешь.

– Мне только едва за семьдесят.

– Твою ж...

Не знаю почему, но мысли о сумасбродности мира чаще всего приходят, когда ты ешь шашлык напротив семидесятилетнего дракона в образе человека...

Пока я болтал с «драконом – не драконом», Сервиндейл уединился под деревом и начал магевничать, покрывшись сеткой дрожащих голубых разрядов. Хмурил брови и что-то неразборчиво бубнил. Похоже, говорил с хозяевами этих мест. Интересно, он вообще бывает в хорошем настроении? Все эти думы о судьбах мира скоро загонят бедолагу в могилу... Хотя... Я вспомнил наше с ним знакомство в шлюшнике маман Стефании... Ну если засчитать это за гм... «хорошее настроение»?..

Разговор мага с невидимым собеседником завершился довольно быстро. Уже через полчаса, собрав лагерь, мы покинули поляну и, быстро отыскав тропинку, двинулись в сторону города.

Мои спутники вырвались вперед, в полголоса о чем-то беседуя, а я, наблюдая их спины, все задавался простым философско-риторическим вопросом. Что же это такое творится с одним безмозглым ничем не примечательным шалопаем, что рассказать кому – назовут трахнутым дашаком лжецом?! Провидение будто решило вывалить на меня мешок приключений! Или, вернее сказать, не мешок, а помойное ведро! Вылило густое прогорклое варево из треклятых магов, мудачьих последков и дракона-молокососа в придачу... Да, и приправило все это отменными! Хотя на дракона я зря грешу – он, пожалуй, единственный симпатичный мне малый из всей вышеназванной сраной братии.

С другой стороны, самое время заточить перо и начать строчить будущие шедевры. Не в первый раз мне в голову приходит эта мысль. В конце концов, виршеплет я или нет? Взять хотя бы дракона-молоко... Тьфу ты, вот же привязалось! Так вот, взять хотя бы Шейлдар. Это же, обалдеть какая тема! Вот прямо так и вижу: «Беседы с драконом белым стихом, пера Аски Фиорентийского» или «Ночные беседы на драконе». Гм... Как-то двусмысленно звучит...

Сия мысль так меня захватила, что я с трудом дождался, пока дракон наговорится с магом, и, оттащив его подальше от оногo, изложил свою идею:

– Шейлдар, я тут подумал – это ведь поразительная штука со мной ща творится! Все эти приключения... да тут хоть роман, хоть поэму пиши! Маги, последки, орки, серые твари и вишенкой на торте – ты! Дракон-человек! Да мы прославимся по всему Северу! Немножко творчески приукрасим... Да я такого напишу, дай только до блокнота добраться!

– Стоп-стоп-стоп! – нахмурился тот. – Ты эти мысли брось! Не смей трепаться о «всех этих приключениях» направо-налево. Особенно про меня. Обывателям незачем знать, что промеж них хаживают такие, как я. Кому надо, и так в курсе, а остальные – меньше знают – крепче спят. А уж если Сервиндейл про твои сочинительства прознает – прощайся с ушами!

– Да вы совсем, супостаты, обнаглели! – опешил я от такой отповеди. – Мало того, что мне кукарекать целых пять лет на этом вашем Бастионе, так еще и перо выкинуть?! А в зад тебе его не засунуть?!

Я не на шутку разъярился. Но с пером, кажется, все же перегнул. Забыл, что передо мной не белобрысый подросток, а сорокаметровая зубастая зверюга. Впрочем, поджаривать сейчас меня Шейлдар не стал, просто молча ускорил шаг. А мне стало даже как-то стыдно.

– Слушай, ну обещаю ниче такого не плести. Могила! – крикнул я в обтянутую безрукавкой худощавую спину.

– Ой ли? Я знаком с тобой, Аска, всего два дня, а уже знаю о тебе на три тома виршей...

Ах так?!

– Ну и бесы с тобой!

Вот урод! «Интеллигентный нрав», «симпатичный малый»... Облезлая ящерица – вот он кто! Все они одним миром мазаны. Аска – не делай того, Аска – не делай сего... А вот сделаю! Напишу роман! Назло! И будет в нем дракон Шейлдар. Хромой, косою и тупой!

Я так разозлился, что прям аж захотелось свалить в неведомые дали... До пляжей хотя бы. На ойкуменах (по крайней мере, в наших краях) вообще редко можно встретить большие водоемы. Помойму, это как-то связано с магией, что балансирует климат. Все речки, что я видел, можно было перейти вброд, не замочив подбородка. Куковать в камышах на бережках таких вот речушек или болотистых прудов – увольте, удовольствие не для меня. Здешние же озера были счастливым исключением. И вот я тут... но из-за двух уродов они недосыгаемы!

Неожиданно лес закончился. Вот только мы шагали по чащобе, а вот уже стоим на опушке под яростно палящим солнцем. Я тут же позабыл про обиду на дракона и принялся осматриваться на местности. Вокруг раскинулись квадратики полей, искрилась лента речки, поодаль виднелся край ойкумены, с уходящей в горизонт пушистостью облаков над *скверной*, и городок, кажется, Сервиндейл называл его Белфоросом. И никаких пляжей в обозримости. Твою же мать!

Городок на первый взгляд был чуть побольше Базела. Из-за ровной, словно стол, местности, трудно было определить его истинный размер. По большей части одноэтажная застройка изредка перемежалась трех-четырёхэтажными гостиницами и тупоносими башенками Братств Храмовников, а в центре виднелась массивная ратуша «летающей» эльфийской работы.

Еще полчаса ходьбы и мы оказались внутри городских стен. Как ни странно, они, в отличие от Базелских, содержались в довольно пристойном виде. Держу пари на свои уши, что причиной тому – буйные хандагарцы, чьи вторжения пару раз добирались аж до сюда.

Мы прошли сквозь ворота, и я с радостью окунулся в многолюдное разногосые. Всегда с удовольствием посещаю новые места. Белфорос производил приятное впечатление. Мощные брусчаткой чистые улицы, беленые фасады домов, разнообразные кованые заборчики – все говорило об успехе и достатке. Простой люд щеголял в опрятной добротной одежде. Более состоятельные горожане, к моему удивлению, рядились в модные на континенте бледные жакеты и пурпуэны всевозможных оттенков, пошитые, правда, из каких-то местных легких тканей. Тут и там мелькали серые и коричневые сюрко Храмовников, которых здесь было необычно много.

Как и в любом портовом городке, по дороге нам встретилось немало иностранцев: загорелые матросы, бредущие в подпитии, словно в шторм, праздные туристы со всех Внутренних ойкумен; тут же и вездесущие хандагарские орки, до земель которых отсюда вдвое ближе, чем от Ледяной Горы, эльфы, прибывшие, видимо, с какой-то близлежащей ойкумены. Высокие угловатые фигуры в расшитых тысячеветником плащах парились на жарком солнце, но мужественно терпели жару, боясь расплескать достоинство.

– Столько орков и никакой стражи... – удивленно протянул я, когда мы разминулись с очередной компанией зеленокожих бугаев, увешанных оружием. – На Ледяной Горе эти ребята прекращают пить только после двух ударов алебардой по башке.

– На ойкумене Три Озера с полдюжины Братств, – улыбнулся дракон. – Даже хандагарцы понимают, что куролесить в месте, где, куда ни плюнь, попадешь в мага плохая идея. Все ученики и подмастерья Храмов приписаны к страже и регулярно обходят городские улицы.

Мы пробрались по краю большого рынка, откуда доносились отчаянные крики зазывал, минули угловатую башню какого-то братства Храмовников, прошествовали по многолюдной улице с красивыми домами богатеев, и спустя десять минут, наконец, подошли к двухэтажной гостинице с обширной затянутой плющом верандой на втором этаже.

«Гостинный дом братьев Лембер» – прочитал я скромную табличку.

Респектабельный такой райончик. Видно, что не из дешевых, но без вычурной роскоши и показухи, присущих внезапно разбогатевшим купцам и чинушам. Сервиндейл, как я погляжу, в средствах не стеснен. Бараний рог мне в зад, а не продешевил ли я с запрошенным золотишком?

Изнутри «Гостиный дом братьев Лембер», как и снаружи, был выдержан в том же стиле самодовольной добротности. Беленые стены с развешанными в продуманном беспорядке репродукциями известных художников, неброская лепнина с позолотой, опрятный бородач с профессионально добродушной улыбкой за конторкой. Все как надо.

Сервиндейл вновь потряс мошной, и мы сняли аж три номера на втором этаже возле веранды, куда мальчишка-половой, красный от натуги, оттащил наши вещи.

И наконец, Провидение смилостивилось надо мной, и мы двинулись подкрепляться!

В большой обеденной зале было почему-то пусто. То ли сей акт трапезничества мы решили свершить в нетипичное время, то ли посетителей в «Гостином доме братьев Лембер» нынче было не шибко много, но в зале мы были одни.

Едва мы присели за широкий стол, как рядом возникли два милых, в этакой крестьянской красоте, создания. Две румяные, пышущие здоровьем девахи в белых передниках с витиеватым неразборчивым вензелем.

– Чего изволите, уважаемые сирь? – обратилась к Сервиндейлу та, что щеголяла объемистым бюстом, аппетитно выглядывающим из гордого декольте.

А выбрать было из чего! Правда, душная жара не располагала к чрезмерным излишествам, потому, после недолгого совещания, мы с Сервиндейлом остановились на жареных рябчиках в сливочном соусе в яблоках и нескольких салатах эльфийской кухни с загадочными названиями: «Сиреневые бусы рассвета», «Призрачные воспоминания», «Отвага бесконечного ветра» и еще парой совсем уж нелогичных словосочетаний.

А вот Шейлдар назаказывал целую гору различного мяса без соусов и гарниров на кругленькую сумму. Служанки удивленно переглянулись, резонно усомнившись в способности худошавого подростка съесть даже половину этих блюд.

Рябчиков и бутылку легкого ценцерентийского, в сопровождение оным, притащили быстро, через некоторое время и к Шейлдару поплыла вереница шницелей и стейков, а вот с эльфийскими салатами возились довольно долго. Оно и понятно. Даже как-то жрать такую ажурную красотень, собранную из мелко нарезанных, не всегда идентифицируемых ингредиентов, было жаль. Кстати и стоили эти несколько небольших салатов почти столько же, сколько и вся гора шейлдарового мяса!

Бесы меня раздери, как же приятно не считать монеты!

Эльфийскую кухню (вернее одну из эльфийских кухонь, так как мои родичи проживают на десятках, если не сотнях ойкумен, и, естественно, на каждой из них повара стремятся блеснуть талантом по-своему) я как-то уже пробовал, но цены на такие блюда весьма кусачи. Потому, я с жаром набросился на эту вкуснотищу, тем более что в такую погоду легкие салатики были самое то!

М-м-м! Обалденно! А что если бы эту хрень сготовил настоящий эльф? О Ушедшие, я бы точно получил оргазм желудка!

Едва только я прикончил «Отвагу бесконечного ветра» и расположился в блаженной неге у окна, как Сервиндейл, также расправившийся с обедом, поднялся и пересел за стол напротив меня.

– Итак, – мрачно изрек он.

– ?

Некоторое время маг просто сверлил меня взглядом, а я пытался понять, нужно опять за что-то каяться или это он так... для профилактики.

– Мессир Сервиндейл, ну хватит уже... Просто скажите, что не так! – взмолился я, уже не зная куда подеваться из-под проклятого взгляда зеленых глаз.

– Виршеплет. Завтра и в течении нескольких дней, нам с Шейлдаром нужно будет отлучаться для посещения Братства Третьей Энергии.

– И?..

– И это значит, что ты останешься предоставленным самому себе. А мне это не нравится. Я, знаешь ли, тебе не доверяю...

Брр... Мне почему-то стало зябко под его взглядом.

– Мессир, если вы думаете, что я побегу искать последков...

– Бархак! Ты ослоумный дашак, какие, к бесам, последки? – вспыллил маг. – Я боюсь, что ты опять найдешь приключения на свою задницу! К большому сожалению, я не могу таскать тебя постоянно с собой. И поэтому слушай меня внимательно. Ты шагу не сделаешь из этой гостиницы. Я наложу заклятья слежения и охранения. Здесь ты в полной безопасности.

– Мессир Сервиндейл! Нет! Это же Три Озера, вы что хотите запереть меня в четырех стенах!?

– Именно так, виршеплет. Шаг на улицу – и на Бастион ты полетишь в клетке. Обещаю тебе это. Ты меня понял?

Седой маг дождался моего кивка и удалился в свои покои.

О Ушедшие! С этим своим взглядом голодного таракана – он был очень убедителен!

Я обернулся к дракону. Тот флегматично уничтожал, уже бесы знают какой по счету, шницель.

– Он это делает?

Шейлдар встрепенулся, словно мой вопрос отвлек его от вселенских дум, рассеяно буркнул «Конечно» и продолжил хрумкать...

Ну вот и приплыли...

Твою же мать!

Следующие три дня я неуклонно стервенел в долбаных бело-золотистых стенах. Утром Сервиндейл с Шейлдаром утопывали по делам, а я начинал мерить шагами комнату, затем коридор, затем общую залу, жрал в три горла ценцерентийское, чиркал листы, силясь выдавить из себя хотя бы несколько строк, и с тоской глазел на город за пределами гостиницы.

С творчеством вообще получилось печально. После многочисленных укоров совести я твердо решил начать плести посвященную моим приключениям поэму. Разведка последков, орки, кровавые битвы и я – верхом на драконе! Да-да, я решил немножко подлатать реальность, включив туда Шейлдара. Ибо, как говорил легендарный хандагадарский поэт Блар Рулевой Клык: «Поэма с драконом и поэма без дракона – это две большие разницы!» По задумке мы должны появиться в решающий момент битвы графской стражи с отрядом орков под командованием гнусного Жреца последков, и, перебив врагов, спасти остатки отряда Ксадара!

Расположившись на веранде, за пару часов я набросал схему глав, покумекав над стилем, выбрал тоническое стихосложение, глотнул вина и... И ни-че-го! О Ушедшие, меня посетил какой-то творческий запор! Я то, облокотившись на перила, угрюмо созерцал прогуливающуюся парочки, то, зажевав перо, мучительно подбирал рифму к слову «пурпуэн», то, наплевав на тонику, пытался выстроить костяк произведения хотя бы белым стихом... Раз за разом я предпринимал героические попытки сплести хотя бы пару четверостиший, но все они заканчивались позорным фиаско! И почему?

А все потому, что, ну как можно чего-то плести, когда в каком-то, от силы, десятке километров находятся пляжи с белым песочком и красотки в коротеньких, твою мать, юбочках?! И пусть ни одна такая особа еще не попалась мне на глаза, но где-то же они должны быть?

Нет, ну какая же это несправедливость!

Я поглядел на рожденные в муках строчки:

Как быстролетная стрела,
Дракон мой мчится над землею,
Броня, клыки и два крыла,
Врагов сомнут...

М-м-м... Последняя рифма никак не хотела даваться. Я перечитал четверостишие раз, другой...

«Броня, клыки и два крыла, врагов сомнут... врагов сомнут...»

О Ушедшие, какая хрень!

В ярости я скомкал бумажку и швырнул ее вниз.

На меня медленно, но верно могучим валом накатывала ее величество Депрессия. С которой с незапамятных времен все величайшие виршеплеты знали лишь одно средство борьбы. Кое я и потреблял во все возрастающих количествах.

Свечерело, городок погрузился в радостную суету предвыходного дня, присущую именно таким вот небольшим местечкам. На прогулки выбираются степенные бюргеры в выходных костюмах, чтобы, придерживая за локоток жену, совершить вечерний променады и выпить по коктейльчику с соседями. Молодежь сбивается в веселые ватажки, дабы расслабиться от тягот наполненной тумаками и начальственными криками рабочей недели. Тут же и матросы с кораблей, и принарядившийся торговый люд, и молодые барышни в кисейных платицах, стреляющие глазами в поисках достойных их персон кавалеров...

И только один несчастный полуэльф сидит взаперти и надирается треклятым ценцерентийским! Р-р-р!

Я мрачно плеснул себе вышеназванный напиток в стакан и вновь глотнул приторную жидкость.

О великаны срани! Клянусь яйцами моего папаши, дайте мне сюда этого трахнутого дашаком седого мессира, и я свинчу ему голову голыми руками!.. Ну или хотя бы плюну в стакан.

Эх, Аска, Аска... Жизнь твоя – болото...

Я с грустью посмотрел на так некстати дефилирующую внизу группку юнцов и девиц. Парочка тощих парней в накрахмаленных хлопковых рубашках, размахивая руками, что-то напористо впаривала трем молодухам. В свете масляных фонарей это было так привычно уютно и щемяще-тоскливо. Аска, Аска, где твоя молодость, где твои прогулки под луной?

О Ушедшие, еще один такой день, и я точно помру от скуки!

– Лю-силь-да-а-а! – гаркнул я, напугав прохожих.

Не прошло и минуты, как передо мной возникла новая бутылка ценцерентийского. Служанка задержалась, чтобы зажечь масляный фонарь, а затем незаметно удалилась.

Только я набулькал себе стаканчик, как на веранде появились знакомые лица.

– Кончай пить, виршеплет. В твоём вине, крови уже не отыскать, ха-ха...

Этой шутке тыщу лет в обед, бычий хрен тебе в грызло! Я уже знал, что настроение долбаного мага могло колебаться от весело-стервозного до мрачно-стервозного. И в любом виде он был невыносим.

Я мрачно взглянул на ступивших на веранду мага и дракона.

– Аска, ну что ты, прям как на эшафоте... – дракон облокотился на перила и с шумом вдохнул прохладный вечерний воздух. – Чудесная погодка. Достала эта жара...

– Не мешайте запивать мне мое горе.

– Горе, это умирающий друг на руках, а у тебя просто воспаление чресел.

Пока я, с перехваченным от возмущения горлом, пытался соорудить достойный подобной низости ответ, Сервиндейл цапнул вино и в несколько глотков уполовинил содержимое бутылки.

– Неплохая дрянь, – крикнул он и присоединился к Шейлдару у перил. В его руках вдруг, откуда не возьмись, появилась трубка, и вскоре по веранде понесся горьковатый запах табака. – Хорошие новости, виршеплет. Через три дня мы полетим домой. Их вы проведете с Шейлдаром. Здесь. Я отлучусь на пару дней из города. Конечно, будь моя воля, я бы приковал тебя к себе цепями, но увы...

Он глубоко затянулся, а я не снизошел до ответа.

Несколько минут, пока маг с наслаждением курил, мы провели в молчании. Наконец, он затушил трубку.

– На обиженных воду возят, виршеплет. Шейлдар... – он указал дракону на меня, будто поручая приглядеть за несмышленьшем!

Вот урод!

И скрылся с глаз долой.

– Он всегда такой мудака?

Шейлдар укоризненно посмотрел на меня.

– Если Василивс узнает, что я почти неделю сидел на Трех Озерах и все это время провел в этом клоповнике... От этого пятна на репутации я не отмоюсь до скончания времен!

– Аска, ну что ты, в самом деле? Посиди спокойно несколько дней. Ты слишком важен для Бастиона Тарена...

– Да понял я, понял! Будь ваша воля, меня бы мумифицировали и в сундук положили. Нужны Ключи? А ну-ка подайте-ка сюда нашего червивого лорда Аску...

– Аска, ну что ты там не видел...

– Да я там все не видел! Там песчаные пляжи, а на пляжах бабы в коротких юбочках! Мне Василивс рассказывал! Ты представляешь, Шейлдар? В коротких, мать их, юбочках, что едва зад прикрывают! Просто вот так ходят туда-сюда. Ты такое где-нибудь видел? Я нет! А шляшники? Ты обратил внимание, сколько их тут? Да на любой вкус и цвет! – он меня таки достал своими «ну что ты...»

– У тебя одни женщины на уме... – пробормотал почему-то зардевшийся пунцой дракон и вновь вернулся к созерцаниям окрестностей.

– А у кого нет? Вот даже мессир Сервиндейл и тот... – начал было я, но заткнулся, решив, что Шейлдару ни к чему знать о том, где я впервые повстречал сурового мага. – А у вас, у драконов, что ли нет? Признайся, ждет тебя где-нить хвостатая краса?!

– Я еще мал для такого. Мне едва за семьдесят...

Гм... Мне почему-то стало немножко стыдно. Настроение Шейлдара от этих разговоров заметно припало. От его облокотившейся о перила веранды фигуры завяло обидой.

Надо бы сменить щекотливую тему...

– Ну а че там с лечением? Все хорошо?

– Да, – дракон отвлекся от созерцания улицы и вновь повернулся ко мне. – Хитрое оказалось заклятье. Что-то новенькое, специально заточенное против таких, как я. Или... возможно даже, что специально разработанное именно против меня. Нарушает баланс энергии между ипостасями...

– Стоп-стоп-стоп! – перебил я его, ибо мне тут же как наяву причудились витиеватые разглагольствования мессира Барагавы. – Считай, я уже запутался! В общем, ты здоров?

– Практически. Несколько дней мне нельзя перебрасываться в дракона, пока заклятья мессира Борисена не стабилизируют мою энергосистему. Какой-то хитрозадый жрец неплохо продвинулся в драконоведении...

– Я рад за тебя! Может, отметим? – я потряс бутылку с остатками вина, и они отозвались веселыми бульками.

Целых пять секунд мне казалось, что дракон соблазнится божественным напитком, но он все-таки отказался:

– Нет, спасибо. Пойду спать. Все эти манипуляции с энергией отнимают уйму сил.

– Ну и ладно, буду заливать горе в одиночестве. Если утром найдешь мою тушку под верандой с лопнувшей башкой – это будет на твоей совести!

– И тебе спокойной ночи, Аска.

Может, боится седого хрена? Гм... Интересно, кто они вообще друг другу? Друзья? Боевые товарищи? Наставник и ученик? Тогда кто из них кто?

Что-то для виршеплета ты, Аска, на редкость хреново разбираешься в людях. И в драконах... И в орках... Да и вообще, Аска, увы, надо признаться – ты тупой, как пробка...

Шейлдар ушел, оставив меня наедине с порхающими вокруг масляного фонаря мотыльками. Глупые твари бились о толстое стекло в надежде сгореть заживо раньше своих собратьев. Написать об этом песню? Держу пари на свои уши, я буду даже не миллионным...

Сгореть как мотыльки,

Чтоб не скончаться от тоски...

Хм... Я коряво, поставив кляксу, накалякал пару строк на бумаге, а потом смял и этот несостоявшийся шедевр в комок, и забросил его во тьму.

Твою же мать...

Как низко я пал. Сижу и жалею себя, лакая дурную выпивку.

Р-р-р! Я зарычал от злости на самого себя! Распустил соплю, как треклятый младенец, которому злая нянька не дала пососать леденец. Я уже отвык от того, чтобы мне указывали, что и как делать! За кого этот драный маг меня принимает? И дня не проходит, чтобы он не отказал себе в удовольствии ткнуть меня в мою никчемность! А у меня меж тем...

А у меня меж тем тоже есть своя, трахнутая дашаком, гордость!

Это же уму непостижимо, чтобы Аска Фиорентийский, известный ценитель женщин, побывал на Трех Озерах и не посетил ни одного, хотя бы самого замшелого шлюшника!

Старый пердун отваливает по своим делам? Ну и пусть отваливает! Мое терпение иссякло!

Я уже так себя накрутил, что чуть было не рванулся в вожделенный шлюшник прямо сейчас, но тут как наяву услышал гаденькие голоски бесов.

«А как же заклатья, о которых говорил длинный ишак? А дракон?»

Гм... Дракон, дракон...

И тут, словно молния, меня поразила дивная в своей дурости мысль... О перченый член великана! Тот, кто мне мешает – тот мне и поможет!

От гениальности замысла перехватило дух!

Нет, но ведь это настолько бредово...

Но бесы в пьяной голове все нашептывали и нашептывали: «Это гениально, твою мать, это гениально!» Их тонкие дребезжащие голоса выводили залиvistые рулады, хлюпя, хрипя и повизгивая на все лады.

Глава 2

Позднее утро встретило меня уже привычной духотой. За окном слышался городской галдеж, а глотка, как и всегда после возлияния, настойчиво требовала прикосновения спасительной влаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.